Всю ночь кружился над аулом снег
И оседал, пушистый и покорный.
В такую ночь не всякий человек
Отважится пойти дорогой горной.
Всю ночь кружился над аулом снег…
А в старой сакле на краю аула
Седая мать не закрывала век,
Хотя порой казалось, что уснула.
Нет, ей забыться и уснуть невмочь!
Смотрела мать, как пламя догорало,
И медленные слезы вытирала
Своею шалью, черной, словно ночь.
А ветер бился и стонал в трубе,
Он тоже плакал, одинокий ветер,
Как будто и ему не по себе,
Как будто тяжело ему на свете.
У старой слезы, слезы из очей;
Ее Гарун был смелым партизаном,
И в дрожь бросало местных богачей,
Когда с отрядом мчал он ураганом.
Он свято верил в знамя Ильича,
Мечтал о жизни радостной и юной,
Рубил врагов стальным клинком сплеча —
И белые повесили Гаруна.
Уж не ходить ему по кручам гор,
И по ночам не укрываться буркой,
И не ловить очей влюбленных взор,
И не скакать с клинком в атаке бурной.
...Кружился снег.
И был печален взгляд
У матери, седой и молчаливой,
Когда вошел ашуг Казбулат
И, встав в дверях, сказал неторопливо:
— Послушай, мать,
о сыне-храбреце
Идут по всем аулам разговоры,
Он встретил смерть с улыбкой на лице,
Таких бойцов не забывают горы.
Да, жизнь героев очень коротка,
Лишь по делам она бывает длинной,
Она сверкает,
точно сталь клинка.
Она свободна,
как полет орлиный.

И, замолчав, задумался ашуг,
В его душе неслышно пели струны.
Душа певца, она запела вдруг
Простую песню — песню о Гаруне.
...Кружился снег.
И где-то вдалеке
Волчица выла в непроглядном мраке,
И на своем тревожном языке
Со всех концов ответили собаки.
А песня, что сложил Казбулат,
Была желанной гостьей в том ауле.
Ей каждый горец на дорогах рад,
Ей не страшны метели или пули.
Ее слова крылаты и вольны,
Они про тех, кто сердцем смел и честен.
...И поутру седые чабаны
У всех костров запели эту песню.
1938